

Галина ЦЕЛИЩЕВА

Родилась в Тюменской области. Окончила Российский государственный университет им. А.И.Герцена в Санкт-Петербурге. Живет в Чите. Учится в Литературном институте им. А.М.Горького на Высших литературных курсах. Член Союза писателей России. Член-корреспондент Академии поэзии, кавалер золотой есенинской медали. Автор четырех поэтических сборников: «Время перемен» (2004), «Откровение» (2005), «В потоке солнечного ветра» (2006), «Серебряный рыцарь» (2007).

ТАК ЧТО ЕСТЬ ЖИЗНЬ?

РОМАШКИ

Узкая больничная палата,
Запахи болезни и лекарств.
Кажется, несоразмерна плата
За часы волнений и мытарств.

Знак вниманья

не дает ромашки.

Я уже здоровая вполне:
Радуют веселые ромашки
В трехлитровой банке на окне.

Хмурый день напоминает осень.
Лес и поле где-то далеко...
А меня из серых стен уносит.
На душе становится легко.

Вдруг я понимаю: жить я буду!
(Мне и доктор это говорил)
Ты мне не цветы, а веру в чудо
И глоток надежды подарил.

ЭКЗОТИКА

Чаруют красотой
невиданные птицы,
Баюкает, шурша
размеренный прибор.
Диковинной любви
последние страницы
Слизнет волна,
нахлынув за тобой.

Не радует меня
ушел Шахерезады.
Российский соловей,
я здесь не запою.
Ты предлагаешь рай,
но рая мне не надо.
Ты лучше отпусти
на родину мою.
Не трогает души
страна сплошного лета.
На жарких простынях
спокойно не уснуть.
На сотни «почему»
у лета нет ответа.

В обыкновенный мир
прошу меня вернуть.
Туда, где ждет меня
ромашковое поле,
Где серый воробей
купается в пыли.
Где чувствую острей
и радости и боли,
На ласковую грудь
моей родной земли.

ЯБЛОНЬКА

Да, погода совсем
не майская!
Кружат птицы
в недоумении.
Только яблонька
забайкальская
Замерла
в весеннем цветении.
Она кажется
такой искренней,
Южной пенной красюю
радую!
Лепестки
с розоватой искоркой
Обдаёт
дождевой прохладой.
Опадет
белоснежным облаком.
Вероятно,
к исходу лета
Заиграют
«райские яблоки»
На корявых
кончиках веток.
Они будут
размером с вишню.
Положу
на ладонь твою,
Чтобы с нами
беды не вышло
В нашем милом
земном раю.

Я таким хочу тебя любить:
Остроумным,
дерзким и веселым,
И в карман
не лезущим за словом,
Без терзаний
«быть или не быть?»
Быть, конечно,
непременно быть!
Радоваться солнцу на рассвете,
Торопиться жить
на белом свете
И меня без памяти любить!

Снова глупость за глупостью
делаю жизнь свою...
Перед бездонной пропастью
в отчаянии стою...
«... по образу и подобию...»,
а не подняться ввысь.
Как над своим надгробием
хочется вознестись!
Если Иисус, страдая,
все искупил грехи,
значит и я – святая?
Но не святей других...
Праведность мне – обуза.
Ноги Христа обниму:
– Крест
греховного груза
слишком тяжел одному?

ЗА ПЕРЕВАЛОМ

Ветхих стен закоулки пыльные,
Дым сиреневый над трубой...
Обещаю: я буду сильная,
Если встретимся мы с тобой.

Обещаю: буду хорошая,
Жестким веником замету
Сожаления, как горошины,
Долгих лет пустых маяту.

За грядой перевала снежного
В доме старого лесника
Отогрею родного, нежного
Чаем горного родника.

Как одежды,
сомненья сброшены.
Этой ночью ты только мой...
От лыжни следы запорошены,
И никто не спешит домой.

СЕРОСТЬ ЖИЗНИ

Серость жизни.
Череда вопросов.
В доме телевизор замолчал.
Слышно, как скрипит
дорожный посох
и как бьется лодка о причал...
Не хочу ни зрелищ я,
ни хлеба.
Так тоскливо,
что хоть волком вой!
Это потому, что стало небо
серой пеленой над головой.
Ах, какая скверная погода!
Серые озьящие кусты.
– Уплыву отсюда...
Только в лодке
серые уключины пусты.
Плащ накину, выйду,

спотыкаясь
о дороги слякотную грусть.
Устаю от жизни...
Зарекаюсь...
Только никогда не отрекюсь.

Я шепчу молитвы жаркие,
Молю: «Господи, спаси!».
Но мои проблемы жалкие
Не решить, как не проси.

Все написано заранее,
И идет, как быть должно.
Отчего я птицей раненой
Бьюсь то в двери, то в окно?

Погляди, как рядом мучаюсь,
Отпусти, как Бог велит!
Я давно смирилась с участью,
Но душа моя болит.

Скажешь ты: «Свободна, милая»,
И погладишь по плечу.
Все равно ведь я, бескрылая,
Далеко не улечу.

Все будет после, не сейчас...
И я отталкиваю мысли.
Они, поникшие, повисли
сучками слов на ветках фраз.
Не оживут... не прорастут...
Не затрепещут, торжествуя.
А я мечту свою живую
у сердца прячу... где-то тут...
Она, как перечный стручок,
жжет изнутри, не согревает...
Взбунтует кровь (и так бывает!).
Нанижет сердце на сучок.

ПОЭТЫ

Поэты – не ходят,
поэты – летают.
И каждому места
на небе хватает.
Но часто – как часто! –
уходят до срока
по взмаху руки
беспощадного рока.
И рвутся рубашки,
в которых родились,
кольчуги, которыми
в жизни гордились.
За совесть, за боль,
что собой воплощают,
их сильных и грешных
на небе прощают.
Стихи их – молитвы,
их души – как раны...

Поэты – как свечи,
поэты – как храмы!

В постоянном желании
плотских утех
ты опять повторяешь
историю тех,
кто, прожив на земле,
не заполнил ни дня,
кто костер разложил
и замерз у огня.
Как тебе удалось
убежать от любви?
Чем лечил ты
хмельное брожение в крови?
Ты гордишься,
что жизнь проживешь не любя.
Ты и небо, и землю
украл у себя.

Что в слове «три» –
гармония, отравы?
Тоской наполнен
тайный смысл числа.
Мы делим на троих
(о, Боже правый!)
твою любовь.
Она – источник зла.

Ты – как сосуд
с густой восточной кровью...
С каких сторон
на это не смотри,
но вряд ли называется любовью
альянс – мужчина,
а избранниц – три.

И дело не в твоём грехопаденье,
в тебе – не грех,
и в нас порока нет.
Ты любишь жизнь.
И странно удивленье,
что стал твоим пророком
Мохаммед.

Ты хладнокровно
шар вгоняешь в лузу,
не мучаясь ни страстью, ни
виной...
Три женщины,
три грации,
три музыки!

Прости,
но ты не стоишь ни одной.

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

Всё смешалось: дорога-скатерть,
день и ночь, огонь и зола,

светлый храм и нищая паперть,
жизнь и смерть, хула и хвала.
Не свое каждый занял место.
Всюду – руку моет рука.
Примеряет мудрец известный
на себя колпак дурака.
Проживаем в мире – не в мире.
Не поймешь: где мир, где война.
Оказалась мишенью в тире
наша жизнь. И грош – ей цена!
Разорвав всю страну на части,
век и сам идёт на излом.
А добро, пришедшее к власти,
обернется кровавым злом.
Все смешалось:
рубище с платьем,
форум стал похож на базар,
смех и грех,
молитва с проклятьем
и с яичницей Божий дар.
Этот мир безнадежно болен –
не поможет помощь врача.
Сотворил актом доброй воли
он и жертву и палача.
Уезжаю, пока не поздно,
ничего не прося взамен.
Так совпал серебряный возраст
с ожиданием перемен.
Высоко летать – больно падать!
Я вернусь, когда выйдет срок.
Я молюсь на Тебя на запад,
а алтарь глядит на восток.

Закат смущенный тих и нежен,
но знаем мы, чего хотим.
И шаг последний неизбежен.
Как гром в грозу неотвратим.
И мне уже мешает платье,
и участь гибельно ясна...
Сама лечу в твои объятия,
как мотылёк на крыльях сна.
Касанье губ медово-сладко,
вино бурлит в моей крови...
И я сгораю без остатка
В безумном пламени любви.

Говорю на другом языке
и тебя понимаю не очень.
Ты в своей темнокожей руке
отогрел мои белые ночи.

Как идет мне испанский наряд!
В знойном танце вибрирует тело.
Как глаза твои страстно горят,
мой прекрасный влюбленный
Отелло!

Нам довольно и минимум фраз.
Помоги и спаси, Аве Отче!

Для двоих из народов и рас
вряд ли нужен иной переводчик.

МЕТАМОРФОЗА

Были они разные.
Что их связало вместе?
Он жизнь презирал праздную,
она не сидела на месте.
Зябликом беззаботным
сновала почти вприпрыжку.
Если была свободна –
читала умные книжки,
мечтала о светлом доме
у озера на берегу,
где и лето в истоме,
и камыши – в снегу.
А жили в каморке тесной,
бедно и как придётся,
под теневой завесой
глухого двора-колодца.
Её тянуло упорно
в мир иллюзий и рифм,
ему же было комфортно
среди циркуляров и цифр.
Она напевала песни,
а он, если шел рядом,
казался совсем пресным,
асфальт борозды взглядом.
И думал, идущий мимо:
– Как они не похожи:
она – обостренно ранима,
а он – такой толстокожий!
Она его тормозила:
– Нам не родиться дважды.
И так она жить спешила,
что споткнулась однажды...
Её уже нет на свете –
сердце стучать устало.
Ему на шумной планете
совсем одиноко стало.
Он растерялся даже,
словно больно ребёнок.
Больше она не скажет:
– Вербочка – как цыплёнок!
И на ладонь не положит
птицам кусочки хлеба...
И впервые, быть может,
он поглядел на небо.
И – глаза нараспашку,
а на душе – покой.
Облаку в белых кудряшках
он помахал рукой.

Мечусь по жизни
неприкаянно.
Живу – ни сердцу, ни уму.
А ты – какой-то
пресно-правильный
так, что противно самому.

Взяв на себя права учителя,
мне объясняешь суть вещей,
считая,
что весьма губительно
курить и пить
и жить вообще.
Ты где-то над землей,
над правдою.
над ложью, над бедой,
над злом.

Мне кажется:
ты знаешь главное,
два века завязав узлом.
Вне времени,
что просто завидно!
С тобой я стала молодой.
Мой книжный червь,
философ-праведник,
ты – вечно юный и седой.

СИЛА

Я о тебе пыталась рассказать,
но слов обычных просто не
хватило:
живёт в тебе невиданная Сила.
Ты, верно,
мог бы знаменитым стать...

Но на цепи сидит дворовый Пёс
и стережет ту Силу неустанно.
И это – Страх, невидимый,
но странно –
он никому спасенья не принёс.

Всё, что случилось, ты зовёшь
Судьбой...
И в таинство очерченного круга
не проберусь и я – твоя Подруга,
за часокол,
воздвигнутый тобой...

Мне недоступен Двор,
где правишь ты.
Я с этим миром
за тебя сражалась...
Но вряд ли мне достичь
(какая жалость!)
твоей непостижимой Высоты.

Твой жаркий поцелуй
занёс смертельный вирус.
Он воспаляет кровь,
он сердце бередит.
Я поддалась ему,
он осмелел и вырос,
он властвует во мне,

он мной руководит.
Преследует меня
больное наважденье,
что я не знала жизнь,
лишь слышала о ней.
Но стал ли этот день –
днём моего рожденья?
А, может, это был
день гибели моей?

Я свои не рассчитала силы.
С кем столкнулась –
было невдомёк.
Почему огня не погасила?
Он и заглянул на огонёк...

Образ его чистый и прекрасный
в сердце мне носить,
не износить...
И теперь, действительно,
напрасно
у судьбы спасения просить.

Он вглубь глядел
проникновенным взглядом
и любовался тем,
что видел там.
Сидел поодаль,
а казалось – рядом,
слова мои читая по губам.
И жаждал он
на миг соединиться,
а мне же показалось –
на века...
Моих волос
коснулась словно птица,
прекрасная
прохладная рука.

Любви желал,
победы добивался.
О, как сладка
губительная власть!
Как ты бесстрастно
страсти предавался,
стремясь в любви
навластвовать всласть!
А ты держал в руках
живую душу,
которая могла бы
стать твоей,
но ты молчал
и равнодушно слушал,
не понимая,
что же делать
с ней.

Верю,
что было Слово вначале,
а у меня – в конце,
гимны гремели, тосты звучали...
след потерь – на лице.
Только потом
обнаружила –
слышу:
Голос
во мне живет,
мерной каплей
капает с крыши –
тает на крыше лёд.
Я постепенно
в землю вступаю:
травы – у самых глаз.
И надо мной –
пролетающей стаей –
шелест –
небесный Глас.

Обещал,
что мне не будешь сниться,
и не снишься больше никогда.
Не могу теперь
сомкнуть ресницы,
улетая ночью в никуда.

Там тепло,
там солнечно, там чисто,
там спокойно, но душа пуста.
Проповедь святого моралиста
проступает с каждого листа.

Правильно, резонно и понятно...
Спит душа под звуки райских лир.
О, Всевышний, отпусти обратно
в этот грешный,
сумасшедший мир!

Что гадать, где сон, а где явь?
Всё равно ошибемся снова.
Лучше, словом своим восславь
беспощадность Божьего слова.

Будет Вечность и будет Суд.
Я хочу к тебе прикоснуться...
Видишь, сердце моё несут –
с золотой каёмкой блюдец.

Этим ветром, этим сном,
пахнущим дождём и мятой,
стрекозой лечу крылатой
я туда, где стол и дом.

Стол венчает самовар...
Разговоры все – в пол-уха.
День с назойливою мухой
в окнах – с видом на бульвар.

Говоришь, что ты влюблён
не в меня, а в ту, – другую,
но я зря тебя ревную –
только – голос, только – звон.

В доме том наступит ночь...
День и ночь мне это снится:
тихо скрипнет половица,
а потом – родится дочь.

Всё свято, всё требует жертвы, –
зародыш, росток, чернозём...
Стихия творенья бессмертна –
на вечность себя отдаём.

Когда выпадаем, спасая,
росой на раскрытый цветок,
дождями косыми касаясь
о каждый сухой колосок...

И капает кровь – не водица.
Как можно быть щедрым
на треть!

Чтоб что-то сумело родиться,
то что-то должно умереть.

В. Никонову

Нет, про него
не скажешь просто –
был.

Он был и есть,
он будет, будет, будет!
За седину и юношеский пыл
никто его вовеки не осудит.
Красив великолепной красотой:
тугих морщин
величественный росчерк...
В любви клянусь!
Боюсь, что напишу
не оду,

а малопонятный очерк.

В какие заколдованные дали
ушла душа
купаться в речке Лете?
И безнадёжно женщины рыдали
о самом удивительном поэте...

ТАК ЧТО ЕСТЬ ЖИЗНЬ?

Ты снова говоришь
о чем-то важном:
о долге, славе,

чести и войне.
Глаза блестят
взволнованно и влажно.
А мне смешно
от этого вдвойне.
Тебе мой смех,
конечно, неприятен.
Найду ль слова
тебя разубедить?
Ты – добрый,
замечательный приятель,
но добротой
врага не победить.
Да, нет цены
твоим деяньям славным!
Ты не сердись...

Я это не в укор.
Во все века
не это было главным,
мы тратим время
на ненужный спор.
Всё на виду,
но ты проходишь мимо,
во власти
заблужденья своего.
Так что есть Жизнь?
Уму непостижимо –
Любовь и Смерть!
И больше ничего.

Всё как-то не так: ненадёжно,
не остро, не сильно, не зло,
не страшно и даже возможно
мне в жизни во всём повезло.

Возрадуюсь пресненькой скуке,
не буду роптать на судьбу,
под траурно-гордые звуки
утешусь смиренно в гробу.

Но в грудь (наказанье забвеньем)
осиновый кол надо вбить,
чтоб не было мне воскресенья
за то, что не смела любить.

На линии смиренья и отчаянья,
на мёртвой безымянной полосе
он появился,
словно бы нечаянно,
потусторонний, не такой, как все.

С повадками языческого мага,
невозмутимый с головы до пят:
– Всё – тлен и прах.
Твои стихи – бумага,
а рукописи, правда, не горят!

Он уводил меня в такие дали!
Такие мне показывал места!
И вместе мы такое увидели,
жизнь начиная с чистого листа!

Он говорил мне

глупой и зелёной:

– Как я писать
не можешь, не пиши.
И выжигал тавро своё калёное
на рукописи трепетной души.

БАРАБАНЩИК

Барабанщик, играй победу!
Враг бежал от осадных стен.
Среди нас победителей нету
и желающих сдаться в плен.

Упиваясь своей свободой,
заковала сердце в броню.
Не ищи особых подходов –
измотаю и прогоню.

Избежав любовной напасти,
я спаслась от тебя, а затем,
свою жизнь, разломав на части,
прожила не так и не с тем.

Я носила в себе, не зная,
сердце, занятое тобой.
Сколько сил потратила зря я!
Барабанщик, играй отбой!

Кто ответит:
куда всё катится?
Мир раздроблен,
слезой размыт...
Я – девчонка
в линиях платьице,
ты – порочен и знаменит.
Наслаждаясь
тирадой выпренной,
намекаешь, как надо жить,
учишь быть
свободной и искренней,
но не думаешь
мне служить.
Мы участвуем
в скучной драме,
где давно известен финал.
А стихи
о Прекрасной даме
ты когда-нибудь сочинял?
Выбираешь
роль Покровителя,
но огня нет в твоей крови.
По-крови-тели, по-крови-тели...
А девчонки хотят любви.